

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 5 (№), 2023

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Мастерская

О женской прозе

МУСТОНЕН Раиса Генриховна

Союз писателей России (Петрозаводск),
ilvovaster@gmail.com

Интервью с известной карельской писательницей Раисой Мустонен

1. Существует ли женское письмо? Если да, в чем его особенности, какова стратегия. Что значит - писать по-женски? Есть ли особый выбор тем, приемов, героев, сюжетов, языка?

Мы живем в мире, где пока еще превалирует мужская точка зрения на все. Наверное, поэтому термин женская литература подразумевает «второсортность». Но мы ведь составляем большую половину человечества и думаю, не худшую, и тоже имеем право голоса. Было бы смешно, если бы я вдруг заговорила басом. К сожалению, довольно часто мужчины говорят дамскими голосами.

2. Поиски героиней любви, семьи – одна из главных сюжетных линий, в то время как герои мужчины ищут высший смысл, Бога. Значит ли это, что женщины уже являются носителями этого смысла, или он обретается только через любовь к мужчине. Если нет, то каков был бы женский сюжет об этих поисках?

Поэт Юрий Кузнецов как-то сказал, что мужчина смотрит на бога, а женщина на мужчину, мол, поэтому женщины не создали ни одного по-настоящему великого произведения. Тут я бы поправила любимого поэта. Женщина смотрит не столько на мужчину, сколько на свое дитя. Женщина прежде всего мать, даже если по каким-то причинам у нее не случилось детей. Мужчина, на мой взгляд, более одинок в этом мире. Мужчине не остается ничего другого как бороться с ужасом бесследности, с небытием, утверждая себя в деле, которое останется и после него. Хотя допускаю, что женщина и биологически не приспособлена к тому, чтобы быть гениальной. Мужчины масштабнее мыслят. У меня есть свое определение искусства: «Искусство – это попытка, способ разговора с Богом». Я это определение передала своему герою, что характерно – мужчине. Было бы, наверное, нелепо, если бы эти слова в моем тексте произнесла женщина-героиня. Женщинам по общепринятому мнению вроде как не пристало теоретизировать и философствовать (для них главное – пеленки-распашонки, любви-моркови и т.д.). Хотя наша знаменитая академик Наталья Бехтерева, специалист по мозгу, как-то сказала: как ни странно, но мозг женщин хорошо приспособлен для писательства (цитирую по памяти). Великие женщины писательницы существуют (те же английские романистки), но дождемся, наверное, и гениальной, т.к. мир, на мой взгляд, все же потихоньку отходит от мужского шовинизма.

3. В вашей прозе часто используется форма сказа, какие возможности она дает. Герой повествования чаще всего ироничен. Насколько автобиографичен этот герой?

Я за собой этого не замечала – форму сказа. Я просто стремлюсь к предельной простоте слога, ближе к разговорной речи. Русский язык позволяет себе многое, предоставляет беспредельные возможности (за что я его и обожаю), здесь можно писать сложносочиненными предложениями, а

можно с предельной простотой, как Довлатов (один из любимых авторов). Единственная вещь, где во всей красе присутствует сказ, это повесть для кино «Деревня Уйма в системе Интернет», написанная в соавторстве с Сергеем Прониным. В этой повести мы отталкивались от сказок Шергина (хотя весь текст полностью оригинален). Когда сочиняли повесть, я упивалась от возможностей русского языка, казалось, даже стихотворные, скорее, ритмические строки, рождаются сами собой.

4. Проблема самоопределения и самоидентификации – одна из главных в современной женской прозе, однако у вас она почти не затрагивается. Насколько она для вас важна? В том числе этническая идентичность (финско-карельские корни), северная, а также гендерная.

Я вроде называюсь русским писателем, хотя во мне нет ни капли русской крови. Иногда на вопрос о своей национальности я отвечаю: папа у меня финн, мама – карелка, а сама я замужем за русским языком. Долго объяснять, почему так случилось (да я уже где-то и писала об этом подробно). Может, все дело в русской литературе, на которой я выросла. Я русская не по крови, но по духу (как многие пишущие «нерусские» – выходцы из СССР), но, видимо, с каким-то «иностраным» акцентом. Мой сын, когда был маленький, в национальностях неплохо разбирался, как-то спросил: мама, когда у меня в животе урчит, это внутри меня русский, финн, украинец и карел дерутся? (Перечислил все свои четыре «крови»). – Точно сынок, в животе урчит, когда голоден, а с голодухи часто войны начинаются. (Тогда началась перестройка, не всегда было что поесть.) И ведь как в воду глядел, кто же тогда знал, что скоро на постсоветском пространстве начнутся такие драчки и выяснения отношений.

В молодости на вопрос о национальности я отвечала так. «Кто-то сказал, а мне понравилось «Существуют только две нации – женская и мужская». Как-то так, наверное. Надо как-то договариваться по-мирному.

5. Какие писатели повлияли на Ваше творчество

Мои любимые писатели Достоевский и Платонов. Не знаю, каким уж боком они на меня повлияли. А существенно повлиял Довлатов. Как я люблю его самоиронию. Иронию тоже люблю, но самоирония – это высший пилотаж, сама стремлюсь к этому. Я когда инкогнито писала в перестроечную газету еженедельный дневник о своей жизни (как тяжело живет женщина с ребенком в перестройку), который впоследствии переродился в повесть «Год Петуха, или Бортовой журнал машинистки Риты Ч.», тоже старалась глядеть на свои беды и бедки под ироническим углом. Мне даже нравилось, когда со мной происходило что-то не очень хорошее, думала - сейчас приду домой, обсмею все это на бумаге и станет легче. И действительно, становилось легче. Потому, наверное, эту повесть и перевели на финский и частично на шведский, как объяснил мне шведский редактор самого тиражного журнала Швеции: все тогда писали о жизни в России черными красками, а вы о невеселой жизни написали с юмором и жизнеутверждающе.

6. Вы одна из первых женских писательниц Карелии, на мой взгляд, самая значимая. Что было самым трудным для творческого самоопределения тогда, что сейчас. Насколько автобиографичны ваши произведения?

Все мои произведения автобиографичны. Главный прототип всех моих героев – я сама. Например «Год Петуха» на 80 процентов моя жизнь во время перестройки, некоторые герои с их разрешения даже фигурируют под своими именами. Просто я стараюсь «запутать следы», как говорится – чтобы никто не догадался. Даже мужчины в моих текстах списаны с себя или с моих знакомых. Даже мистические вещи. «Где твой дом, Ангел?» например, написан по результатам моих поездок в Финляндию на заработки во время перестройки на сбор клубники, когда при написании мой товарищ по клубничному полю гастарбайтер-португалец, простой слесарь Серджио превратился у меня в пьесе в ангела Анджело (хотя они ой как непохожи). Я даже когда писала в соавторстве киносценарии для криминальных сериалов, умудрялась вставлять себя и своих знакомых. Хотя я не приемлю, когда литература используется в качестве мести, когда автор выводит своих врагов в тексте так, чтобы их

узнали. Если у тебя есть мало-мальский талант – зашифруй героев, чтобы не доставлять людям боли.

Вопрос который не задан. Что бы вы хотели написать и умереть? Какие произведения вы считаете своими? Если бы смогла, я написала бы рассказ «Философ» Шервуда Андерсона и роман «Повелитель мух» Голдинга.